

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
Го Цзюаньцзюань
«Поэтическая ономастика Г. Р. Державина»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук по специальности
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация Го Цзюаньцзюань посвящена “изучению репрезентации антропонимических знаний в поэтическом тексте Г. Р. Державина” (АР, с.3). Этот факт не подлежит сомнению, и в тексте диссертации последовательно излагаются именно антропонимические сведения, касающиеся соответствующего материала в стихотворных произведениях различных жанров, принадлежащих перу Державина.

Не вызывает сомнений обусловленная двойко *актуальность исследования*: с одной стороны, экстралингвальными историческими обстоятельствами, с другой – необходимостью дальнейшего развития и совершенствования научного направления, в рамках которого оно осуществлено. Вначале экстралингвальное: Г. Р. Державин – известный государственный деятель XVIII века, кабинет-секретарь и тайный советник императрицы Екатерины II, с 1785 г. (указ от 15 декабря) по 1788 г. занимал пост правителя тамбовского наместничества и отличился значительными успехами в работе (способствовал выполнению плана регулярной застройки Тамбова, наладил исполнение законодательства, упорядочил сбор налогов, что в период русско-турецкой войны было немаловажно). Разумеется, о деятельности патрона Тамбовского государственного университета прекрасно осведомлены историки вуза. Но коммеморативная функция новых исследований, в том числе ономастических, сохраняется, особенно сейчас, в эпоху возрождения национального духа России. С другой стороны, Г. Р. Державин – крупнейший представитель русского классицизма, просветитель, литературное творчество которого стало венцом эпохи Просвещения, оставил исключительно значимые для литературно-ономастических исследований сведения о современниках и художественном осмыслении их образов в поэтическом наследии. Немаловажно также то, что он принимал деятельное участие в создании первого в истории толкового словаря русского языка. О сомнительной, с точки зрения оппонента, трактовке одного из положений, касающихся актуальности исследования, будет сказано в части отзыва, освещающей возникшие вопросы и замечания.

Научная новизна исследования складывается из нескольких факторов: во-первых, попытки методики анализа антропоэтонимов в творческом наследии Г. Р. Державина, как средства отображения знаний (когнитивный подход) во вторых, в описании корпуса антропоэтонимов как средства формирования одной из ярких черт идиостиля и, наконец, в-третьих, применением когнитивно-матричного анализа к исследованию антропоэтонимии.

Теоретико-методологической основой исследования автором диссертации избраны традиционные теории номинации, когнитивная ономастика, литературная ономастика и литературоведческие труды ряда исследователей. Набор источников, привлечённых к исследованию, безусловно презентабельный. К обсуждению некоторых моментов этой сферы исследования вернёмся позднее.

Теоретическую значимость своего исследования диссертант видит в дальнейшем развитии “поэтической когнитивной ономастики”, “углублении когнитивных оснований рассмотрения традиционной ономастики в части описания поэтических антропоэтонимов; в обосновании использования метода оппозиции на антропонимическом материале, способствующем осмыслению глубинных когнитивных антропонимических структур” (Дис., с.12). Особый интерес представляет “разработка компонентов интерпретанты поэтического текста” (там же).

Что касается *практической ценности*, то она видится диссертанту в возможности использования результатов в обучении анализу и осмыслению русских имён и фамилий в межкультурной коммуникации, в использовании в лекционных курсах по ряду дисциплин, среди которых названы «Теория текста и дискурса», «Стилистика», «Лексикология», «Имагология», а также при выполнении исследований и в проектной работе с учащимися средних школ и вузов.

Более, чем солидно, *достоверность и обоснованность научных результатов* обеспечена не только регулярным обсуждением промежуточных и конечных результатов работы на заседаниях кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, где Го Цзюаньцзюань проходила обучение в аспирантуре, но и апробацией результатов исследования на одной Всероссийской и 7 Международных научных конференциях, а также 10-ю статьями: 4-мя публикациями в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, и ещё 6-ю статьями в других изданиях.

Результаты исследования сформулированы автором в ряде положений, среди которых, по мнению оппонента, важнейшими являются следующие: А. «Когнитивный подход к системе поэтических антропонимов позволил сосредоточить внимание на репрезентации антропонимических знаний, отражённых в конкретном или обобщенном именовании того или иного лирического персонажа, которые оказывают влияние на формирование концептуальной системы человека». Б. «Когнитивные контексты *образный, выразительный, эмоциональный, ассоциативный, эстетический, долговременный, креативный, оценочный, персонифицированный* являются постоянными компонентами специфики поэтического текста, которые на языковом уровне репрезентируют антропонимы». И, наконец, В. «Перспективным представляется создание учебного словаря “Антропонимы в поэтическом творчестве Г.Р. Державина”, что имеет особое значение для китайских студентов, изучающих русский язык на территории Тамбовской области, в рамках дисциплин “Лингвокультурология” и “Страноведение”».

Структура диссертации в полной мере традиционна: введение, две главы с итогами по каждой, заключение, список использованной литературы. Единственное, что не входит в понятие “традиционная” – приложения. Первое – «Причины выбора антропонима Державина для называния адресных линейных объектов в основных городах России» и второе – «Показатель частоты употребительности антропонимов в поэтических текстах Г.Р. Державина».

Во *введении*, как и положено, представлена общая характеристика работы, обосновывается тема, формулируется цель и задачи, описывается материал исследования, приводятся положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации. Всё, как положено. Кроме этого, в соответствии с требованиями, отмечается актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. По поводу этих требований хочу высказать личное мнение, не имеющее отношения к достоинствам или недостаткам оппонируемого исследования. Сводится оно к следующему: выводы об актуальности, научной, теоретической и иной значимости исследования – дело специализированного совета, оценивающего работу диссертанта. А вот самовосхваление (кто же будет заниматься самокритикой в таком документе (?)), неизбежно содержащееся в этой части трактата, надо бы исключить. Повторяю это много лет почти на всех заседаниях специализированных советов, в работе которых приходилось участвовать (в СССР, на Украине, в ДНР и теперь в РФ).

Обратимся к характеристике работы. В *первой главе* «Лингвистические подходы к рассмотрению имён собственных в поэзии» автор диссертации даёт картину генезиса “поэтической ономастики” как самостоятельной науки (параграф 1.1.), отмечает основные направления её развития (параграф 1.2.). В общей сложности на 20 страницах излагается то, что может быть темой отдельного монографического описания, но это не замечание, а,

если угодно, похвала, поскольку демонстрирует объём осмыслявшегося в процессе работы материала. Параграф «1.3. Поэтоним как особый тип языковых знаков в пределах художественного текста» достаточно подробно освещает во многом различные подходы к представлению об именах, функционирующих в художественной литературе. А следующие за ним размышления в параграфах «1.4. Основополагающая антиномия *антропоним* – *антропозтоним* в системе обыденного языка и художественной речи (с продолжением в «1.4.1. Собственно образные антропонимы в системе поэтического текста») и параграф «1.5. Поэтизация антропонимов как текстовых единиц» излагают то понимание проблем поэтономологии, которое сложилось у диссертанта. К обсуждению некоторых нюансов ещё вернёмся. Завершают главу два параграфа («1.6. Когнитивная метафора в области ономастики» и «1.7. Антропонимы в матричном формате»), отражающие специфику разрабатываемого тамбовскими учёными (прежде всего, Николаем Николаевичем Болдыревым) когнитивной парадигмы в языкознании. В них осуществлена попытка приложения когнитивного подхода к анализу онимии литературных произведений, рассмотрены когнитивные контексты на языковом уровне отражающие специфику “антропонимических лексем” и рассматриваются некоторые моменты матричного осмысления проблемы функционирования антропонимов в языке и речи.

Вторая глава «Поэтические антропонимы Г. Р. Державина как репрезентанты знаний о мире» посвящена анализу конкретного материала – функционирующим в поэтических текстах различных жанров антропозтонимам. В параграфе «2.1. Антропоним и апеллятивно-антропонимическое единство в поэтическом тексте». представлены те антропоформулы и антропоформы, которые были выявлены диссертантом в процессе исследования. По одному из положений у оппонента возникли возражения, которые будут представлены позднее. Следующий параграф «2.2. Триединство субстанций: автор – имя собственное – поэтический текст» трактует роль Г. Р. Державина как национального, русского поэта, уделявшего значительное внимание различным способам использования антропонимного материала, среди которых особое место занимают поэтические обращения к лирическим персонажам и, что особенно важно, вводит в некоторые тексты “образ автора”. Этим термином В. В. Виноградова диссертант не пользуется, но смысл вычитывается из фразы: «Державин репрезентирует личностную идентичность и воссоздает свою языковую личность с помощью существительного “мурза”» (Дис., с.75). Следующий параграф «2.3. Антропоцентричность антропонимикона Г. Р. Державина (с.75–101)» достаточно подробно касается ряда конкретных фактов использования поэтом антропозтонимов: анализирует функционирование “исторических имён (2.3.1.), освещает использование личного (и тронного) имени Пётр (2.3.1.1.), поэтического псевдонима как репрезентанта личности Г.А. Потёмкина (2.3.1.2.) и антропонимические прозвища в поэтической картине мира (2.3.1.3.). Параграф 2.4. связан с разработкой Державиным поэтического образа императрицы: «Модель ЧЕЛОВЕК ← именной антропоним: Екатерина II» (Дис., с.102–112) с подпараграфом «2.4.1. Поэтические псевдонимы как знаковые репрезентанты личности Екатерины II» и косвенно связанным с темой подпараграф «2.4.2. Репрезентирующая функция поэтических псевдонимов: Пленира и Милена». Дальнейшее изложение сосредоточено на гипокористических именах (2.5.; 2.5.1.) мифоантропонимах и теонимах (2.6.) с прибавлением подпараграфа об именах славянских божеств (2.6.1.) и библейских именах (2.7.). Завершается глава двумя параграфами, имеющими косвенное отношение к теме диссертации, но реализующими коммеморативную функцию исследования: «2.8. Семейный антропоним Державин в ономапоэтическом пространстве» (Дис. с.142–146) и «2.9. Антропоним Державин → меморативный урбаноним *Державин*» (Дис., с.147–150).

В Заключении подведены итоги проделанной диссертантом работы.

Как любая творческая работа, побуждающая к диалогическому восприятию, диссертационное исследование Го Цзюаньцзюань нуждается в продолжении обсуждения в

формате вопросов и нескольких замечаний, на которые хотелось бы услышать ответы. Удобнее всего это сделать в порядке, сложившемся в ходе знакомства с текстом.

I. Вначале несколько слов относительно обоснования актуальности исследования. Как уже отмечено, по мнению оппонента, актуальность, научная новизна и практическая ценность, конечно, в диссертации должны присутствовать обязательно, но оценивать их всё-таки дело экспертов, оппонентов и членов совета. В тексте работы (стр.5) записано: “Актуальность исследования обусловлена эпохой цифровизации литературы (курсив мой. – В. К.), когда она становится связующим звеном между человеком и миром, а акцент смещается с содержания на язык и форму как на материал искусства”. Не буду говорить о стиле, но о смысле скажу: цифровизация литературы (при всём уважении к математике и компьютерным технологиям) невозможна; литература – это искусство Слова, а не Цифры. А цифровизация опубликованных, но сплошь и рядом дорогих и вообще труднодоступных текстов, конечно, благое дело. Что касается самой “эпохи цифровизации”, то её упоминание сродни тем обязательным в давние уже времена указаниям на роль философских положений классиков марксизма-ленинизма и документов съездов партии (обязательно самых последних) в развитии (далее могло быть всё, что угодно, например, “теории рифмы” или “поэтической ономастики”). Последнюю реплику не обсуждаем, она – “aparté”.

II. Остановлюсь на том, как представлен в диссертации материал исследования. О нём сказано следующее: «Материалом исследования послужила авторская картотека, в которую вошло 200 антропонимов (без учета апеллятивно-антропонимических единств). Сбор антропонимического материала проводился методом сплошной выборки» (Дис., с.9). Формулировка некорректная. Материалом послужило поэтическое творчество Г. Р. Державина. Из него “методом сплошной выборки” добывались сведения об антропонимах, подлежащих изучению. О том, что такого метода не существует, разговор отдельный. Сплошная выборка – просто неудачный оксюморон. Что же касается собственно материала, то о нём в примечании на той же странице диссертации сказано: “Антропонимический материал извлекался из различных изданий, в частности, из издания: Державин Г. Р. Избранное / под ред. Л. В. Поляковой. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина 2013. 304 с.”. Позволю себе заметить, что в первых трёх томах лучшего академического девятитомного издания сочинений Г. Р. Державина его поэзия занимает 800 стр. (т.1) + 700 стр. (т.2) + 580 стр. (т.3), т.е. более 2000 стр., а к третьему тому прибавлено ещё 160 страниц важнейших для литературно-ономастических (поэтонимологических) исследований объяснений самого Державина на собственные сочинения, касающиеся в значительной мере именно ономастического материала. В числе прочего, там рассмотрены моменты, когда для разных изданий одного и того же текста автор предлагал разные редакции заголовков. Так вот, сплошная выборка из некоторого (не указанного) количества изданий невозможна, поскольку 1) не охватывает весь материал, 2) выбирать “сплошь” нельзя; можно выбирать из отдельного издания, из совокупности публикаций, из полного собрания сочинений, из произведений определённого жанра и т.д..

А вообще поделюсь некоторыми цифрами, поскольку не исключаю, что автора диссертации они заинтересуют, особенно, если планируется дальнейшее изучение материала (качество представленной к защите диссертации является обнадёживающим в этом смысле обстоятельством). Державин в России издавался обильно. До первого 9-томного академического издания в 1808 г. сочинения Державина уже были изданы в 4 томах, в 1816 г. то же издание представило сочинения в 5 томах, далее четырёхтомник издавался в 1831, 1833-34 гг., в 1843, в двух томах – в 1847 и 1851 гг. и т.д.

III. Наиболее существенными представляются вопросы методологического характера. Здесь далеко не всё бесспорно, хотя и впечатляет широта их постановки. С них начну, но прежде хочу, обратившись к авторитету А. С. Пушкина, повторить его мысль относительно того, что судить поэта (художника) можно, но только по законам им самим

признаваемым. Добавлю: и работу учёного тоже можно обсуждать, но только в рамках той методологической парадигмы, которой он придерживается или является её апологетом. В противном случае обсуждение может превратиться в “нагоняй”. Методология оппонируемого исследования – типичный случай эклектики. Но эклектика эклектике – рознь. И я всегда вспоминаю более чем сорокалетней давности тбилисскую конференцию в Институте им. Усадзе, на которой, отстаивая свою точку зрения на методологию исследований бессознательного, докладчик произнесла фразу: «Это сладкое слово “эклектика”». Дисциплина ономастики, изучающая поэтику собственных имён в наилучшем варианте должна представлять собой с о д р у ж е с т в о наук. Однако методология содружества дело не простое. Перейду к конкретным моментам, представляющимся не вполне корректным использованием метаязыка упоминаемых в диссертации научных направлений, составивших его методологию. Начну с понятия “поэтоним”. Любые попытки приравнять обозначаемое им явление к представлению о разряде онимов, неизбежно ведёт к ошибке. Так же, как оним является словом, словосочетанием или предложением для выделения, индивидуализации и идентификации именуемого объекта (референта) из ряда аналогичных (по денотату) в мире объективной реальности, так поэтоним выполняет ту же функцию в художественных мирах. Он квалифицирует любой поименованный в художественном произведении объект (по референту). Так выстраиваются пары: антропоним / антропоэтоним; топоним / топопоэтоним; зооним / зоопоэтоним и т.д.

IV. В исследованиях онимии художественных произведений, а ими филологи России занимаются уже около века (в этом году мы будем отмечать своеобразный юбилей: со времени защиты В. Н. Михайловым первой в СССР диссертации по ономастике русской художественной литературы прошло уже 70 лет), но, к сожалению, до сих пор существуют разногласия в трактовках и понимании некоторых вопросов. Их касаться не будем. Отмечу только некоторые сомнительные, с точки зрения оппонента, утверждения, термины, понятия и терминованные сочетания: 1. Сомневаюсь в удачности термина *поэтическая когнитивная ономастика*. Возникают ненужные, даже вредные в данном случае, ассоциации с поэзией. 2. Утверждение “Литературная ономастика и поэтическая ономастика вступают в отношение как «общее – частное» (Дис., с.17) представляется некорректным. Причин две: А) оба названия научной дисциплины прочитываются так потому, что названы не совсем правильно. В принципе, ни литературной, ни поэтической ономастики нет, но есть ономастика литературы или “в литературе (художественной)” и есть ономастика поэзии или “в поэзии”. Б) Понятие “художественная литература” относится и к прозе, и к поэзии. Поэтому литературная ономастика или, правильнее, ономастика (онимия) литературы включает в себя и ономастику (онимию) поэзии. Не могу вспомнить случая, когда бы я сформулировал следующее положение: «Поэтическая ономастика – это использование автором имён собственных любых разрядов только “в поэтических (художественных) “текстах” [Калинкин 2016, 2017]» (Дис., с.17). Термин *поэтическая ономастика* использовал Э. Б. Магазаник. Я этот термин не использовал и, более того, *критиковал* в специальном параграфе «Название дисциплины» в давней своей монографии «Поэтика онима»: “Безусловно, наиболее точный (в сравнении с другими) термин *поэтическая ономастика*, к сожалению, не лишён недостатков, среди которых главный (как это ни парадоксально) – определение *поэтическая*” («Поэтика онима», 1999, с.72).

V. Заслуживает отдельного внимания обсуждение вопроса об именах в заголовках стихотворных посланий Г. Р. Державина, «с указанием конкретного реального адресата, которые начинаются со словоформы “К портрету...”, а далее указывается адресат с указанием отчества (например: “К портрету княгини Екатерины Романовны Дашковой», “К портрету Михаила Васильевича Ломоносова”, “К портрету сенатора князя Якова Фёдоровича Долгорукова” и др.» (а/реф. : с. 16) Та же информация в тексте диссертации дополнена вначале просто перечислением “адресатов” («К портрету адмирала Александра

Ивановича Круза», «К портрету В. В. Капниста», «К портрету великой княжны Александры Павловны», «К портрету Графа Витгенштейна», «К портрету Ивана Ивановича Дмитриева», «К портрету княгини Екатерины Романовны Дашковой», «К портрету Михаила Васильевича Ломоносова», «К портрету Н. А. Дьякова», «К портрету преосвященного Иннокентия псковского», «К портрету преосвященного Платона», «К портрету сенатора князя Якова Фёдоровича Долгорукова» и другие» (с 93-94; дис).

Начну с вопросов, на которые надеюсь получить ответы в ходе дискуссии: 1) К кому (или чему?) обращается поэт в своих посланиях “с указанием конкретного адресата”? 2) В связи с затронутой темой рассматривались ли названия стихотворений, начинающиеся не только со словоформы “*К портрету*”, а, например, словосочетанием “*Надпись к портрету...*” с указанием конкретного реального адресата, с использованием той или иной антропоформулы? 3) Принято ли во внимание, что кроме “обращений” к портрету, в стихотворениях Г. Р. Державина определены и иные объекты: *имя мифоперсоны* [Евтерпа (М. Л. Нарышкина), Каллиопа (вел. кн. Елисавета Алексеевна)], *бюст* [адмирала В. Я. Чичагова, Екатерины II (мраморный), в.кн. Александры Павловны (*бюст в медальоне*)], *изображение* Суворова, (в том числе, мраморное), *медальон* (Суворова), *силуэт* (Хемницера), *статуя* (Екатерины II, Петра Великого) *памятник* и даже *монумент*, представляющие собой художественные образы того или иного лица?

Важно отметить, что во всех этих случаях названы произведения классического жанра “надпись”, история применения которого своими корнями уходит в египетскую, ассиро-вавилонскую и античную древность. Согласно «Поэтическому словарю» А. П. Квятковского, одно из значений термина *надпись* – “малый стихотворный жанр – краткая надпись к статуе, портрету, на книге, в альбоме и пр. была популярна в русской поэзии 18 и начала 19 века” (с.162). Отдал дань этому жанру и Г. Р. Державин. Всего (по данным первых трёх томов академического издания сочинений под ред. Я. К. Грота) в этом жанре им было написано 30 стихотворений, начальными словами в заголовках которых были слова “К портрету...”, плюс к этому, с заголовками с начальными словами а) “На изображение...” – 6 стихотворений; б) “На медалион” – 5; в) “На монумент...” – 2; г) “К статуе...” – 2. д) С указания жанра “Надпись к портрету...” опубликовано ещё 4 текста. Всего же в этом жанре (информация не окончательная) Державиным было написано не менее 80 стихотворений.

Кстати, замечу, что в академическом издании сочинений Г. Р. Державина (под ред. Я. К. Грота) стихотворения «К портрету Михаила Васильевича Ломоносова» нет. Нет его ни в рукописях, ни в предшествующих академическому изданиях. Впервые такое название зафиксировано при опубликовании его «Санктпетербургским вестником» в 1779 году (Ч.3, февраль, С. 11), т.е. через 13 лет после появления первых трёх томов и через 7 лет после завершения Гротом работы над собранием сочинений. Иными словами, оно представляет собой типичное редакторское “самоуправство”.

Теперь напомним хрестоматийную ситуацию с портретом А. С. Пушкина. Большинство созерцателей портрета обычно говорят: «Это Пушкин». Но всё дело в том, что это не Пушкин, а образ, “картина маслом”, созданный в 1827 году художником Орестом Кипренским на холсте по заказу близкого лицейского друга поэта барона Антона Дельвига. Этот шедевр русской портретной живописи вызвал к жизни известное стихотворение «Кипренскому», в котором поэт, после обращения к автору портрета “любимцу моды легкокрылой”, констатирует: / *Себя как в зеркале я вижу, / Но это зеркало мне льстит. / Оно гласит, что не унижу / Пристрастья важных аонид. / Так Риму, Дрездену, Парижу / Известен впрямь мой будет вид /*. Главное здесь – ясное осознание невозможности появления знака равенства между человеком и его портретом, “видом”, художественным образом. Столь же осознаваемым и учитываемым при исследовании функций собственных имён в поэтическом тексте должно быть правило: исследователь поэтонимии имеет дело не с описываемыми и поименованными объектами, а с их литературно-художественными о б р а з а м и .

VI. Утверждение “<...> использование имени, а не фамилии для обозначения как поэтического образа Петра Великого, первого российского императора, так и императрицы Екатерины свидетельствует о том, что такое именование было характерно для торжественной поэзии XVIII века”(Дис. С.92), – представляется не совсем точно квалифицирующим явлением. Дело не в торжественной поэзии, а в том, что это общее правило “тронных имён”, которыми пользовались не только в России, но и правители многих стран мира, в том числе, европейские монархи, а также главы религиозных объединений, включая пап Римских и патриархов всея Руси.

VII. Относить названия произведений к антропонимии, даже если названием является только антропоним – ошибка (Дис., с.70). И ссылки на авторитеты тут не могут быть доказательством. Дело в том, что в ономастических таксономиях собственные имена классифицируются по разрядам в зависимости от категории объектов в мире и иерархии самих объектов. Так, по терминологии, предлагавшейся Н. В. Подольской, среди имён сферы человеческой деятельности выделяется разряд идеонимов, среди которых выделяется категория библионимов (названий письменных произведений). Дальнейшая детализация позволяет в категории библионимов выделить названия письменных литературно-художественных произведений – титулопонимов и (для подзаголовков) субтитлопонимов. Антропоним – это разряд онимов, которые могут быть даны человеку или группе людей. Явление антропонимизации возможно при превращении апеллиатива в антропоним. Пути в антропонимию для библионимов нельзя считать закрытыми абсолютно, но только по схеме: текст → библионим → антропоним (имя, прозвище, фамилия). Вспомним В. Маяковского: поэмы «Ленин», «Хорошо» и стихотворение «Товарищу Нетте, пароходу и человеку». Все три произведения названы автором. Это библионимы. С нашим уточнением – титулопонимы. Название поэмы «Хорошо» пока, кажется, в антропонимию не проникло. А вот имя товарища Нетте в кораблестроении и, соответственно, в наутонимии отмечилось, но разница осталась: «Теодор Нетте» – пароход и Нетте – человек.

VIII. Несколько второстепенных замечаний метаязыкового характера. А) В терминологической части метаязыка ономастических исследований, в том числе, посвященных собственным именам в художественной литературе, принято ориентироваться на уже упомянутый «Словарь русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской. В диссертации и автореферате во всех без исключения случаях используется определение *антропонимический*. Но словарь рекомендует две формы: *антропонимический* как прилагательное к термину ‘антропонимика’ (научная дисциплина, раздел ономастики): а. анкета, а. атлас, а. термин) и *антропонимный* к термину ‘антропоним’ (антропонимная лексема, модель, основа, система, формант, формула). Пренебрежение этой общепринятой рекомендацией в некоторых случаях приводит к логической ошибке, объединению в одном понятии компонентов, относящихся к разным уровням лингвистического описания (например, *апеллиативно-антропонимическое* единство вместо *апеллиативно-онимное* (в крайнем случае, *антропонимное*). Б) Не всегда последовательно используются термины ‘антропоним’ и ‘антропонимизация’. Ситуация с восприятием текста осложняется тем, что параллельно с однословным термином ‘антропонимизация’ используется двусловное понятие ‘поэтический антропоним’, таящее в себе не предусмотренную термином ассоциацию с поэзией. Термины ‘поэтика’ и связанный с ним термин ‘поэтоним’ восходят не к понятию ‘поэзия’ (греч. ποιησις – жанр литературы, обычно в стихотворной форме) а к техническому термину (от греч. ποιητική τέχνη – искусство, мастерство, умение).

IX. Последнее – стилистические погрешности. Они встречаются. Но я бы хотел отметить, что они допущены не носителем языка, а человеком, овладевшим русским языком в той степени, которая оказалась достаточной для написания хорошей филологической диссертации. Просто, чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров: развёртывание широкого круга *познавательных знаний* (определение

“широкий” при отглагольном существительном “развёртывание” + познавательные знания = скрытая тавтология. (дис. с.41). *Антропоцентричность антропонимикона* (в названии параграфа) и др..

Предваряя заключение, хочу процитировать слова академика Я. К. Грота из предисловия к собранию сочинений, собранному рукописи и все прежние издания сочинений Г. Р. Державина и оставившему потомству академическое издание в 9 томах: «Некоторые полагают, что подробное изслѣдование фактовъ излишне и должно бы уступить мѣсто общимъ взглядамъ, соображеніямъ и выводамъ; но разсуждающіе такъ не замѣчаютъ, что они хотятъ строить зданіе безъ фундамента. Вѣрные выводы возможны только тогда, когда окончательно разработаны всѣ факты; выводы же произвольные чрезвычайно легки, но они за то и цѣны не имѣютъ. <...> мы желаемъ представить всѣ труды Державина въ такой послѣдовательности и съ такими объясненіями, чтобы каждый образованный читатель могъ легко разсматривать ихъ въ полной обстановкѣ лицъ и событій, къ которымъ они имѣютъ отношеніе; мы желаемъ дать книгу, которая служила бы не только памятникомъ дѣятельности Державина, но и пособіемъ для изученія его времени; наконецъ мы желаемъ, описавъ его жизнь, критически взглянуть на него, какъ на человѣка и на писателя, чтобы способствовать къ уясненію истиннаго его значенія».

Высказанные замечания и возникшие вопросы не отменяют благоприятного впечатления от диссертации, её научной глубины и значимости, а также продемонстрированного соискателем вдумчивого анализа, высокой филологической культуры, библиографической осведомлённости, о чём свидетельствует список источников, и скрупулёзного анализа поэтики собственных имён в творческом наследии выдающегося русского поэта XVIII столетия, века Просвещения в России.

Диссертация «Поэтическая ономастика Г. Р. Державина» является полной, законченной, оригинальной научной работой, которая соответствует всем требованиям, предъявляемым в пп.9, 10, 11, 13, 14 действующего «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, а автор диссертации Го Цзюаньцзюань, безусловно заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (специальности 10.02.01 – русский язык), профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (ДНР, г. Горловка)
Калинкин Валерий Михайлович

(подпись)

10.02.2026

Почтовый адрес: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»
ул. Рудакова, 25, г. Горловка, 284626
тел.: +7 (949) 458-63-03; +7 (856) 424-21-15
адрес. эл. почты: GIFL1949adm@yandex.ru

